

Описание документов и бумаг Московского архива Министерства Юстиции. Кн. II. СПб., 1872. С. 50–137; *Загорский М.В.* Разбор и описание дел Переславского Духовного правления (окончание) // Тр. Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. V. Владимир, 1903. С. 136–155; *Ильинский П.П., священник.* Архив Переславского Духовного правления // Тр. Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. II. Разд. «Материалы». Владимир, 1900. С. 3–16; *Орлов В.* Описание церквей и приходов Владимирской епархии. Т. I. Александровский уезд. Владимир, 1896; *Скворцов Н.А., священник.* Уничтоженные в Богородском уезде церкви. М., 1901; *его же.* Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII в. (Из Архива московской Св. Синода конторы). Вып. 1. М., 1911; Вып. 2. М., 1914; Списки церквей Московской епархии. М., б/г.; *Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. Вып. 5. Радонежская десятина (Московского уезда) // ЧОИДР. 1886 г. Кн. 1. М., 1886. С. 1–80; 1886 г. Кн. 3. М., 1886. С. 81–160; *их же.* Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. Вып. 11. Верейская, Дмитровская и Троицких вотчин десятины // ЧОИДР. 1911 г. Кн. 3. М., 1911. С. 123–336; *их же.* Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. Вып. 11 (окончание). Десятина Троицких вотчин. ЧОИДР. 1913 г. Кн. 2. М., 1913. С. 337–380; *Цветков П.И.* Новый храм в память почившей в Бозе государыни императрицы Марии Александровны. М., 1903; *его же.* Александро-Марининский дом призрения в первые 25 лет самостоятельного его существования (1879–1904). Троицкая Сергиевская лавра, 1904.

⁹ Неизвестно кому была посвящена церковь XVI в. городецкого погоста близ р. Торгоши.

¹⁰ Месяцеслов // *Булаков С.В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей. Кн. I. [М.], 1993. С. 1–534 (фототипическое воспроизведение).

V.A. T k a c h e n k o. Main altar consecrations in the North-East of Moscow region (14th – early 20th centuries)

The article deals with the issue of consecration of the main altars of church temples to various saints and church feasts in the north-eastern part of the Moscow region of the 14th – early 20th centuries. According to the materials the author cites most of the altars have been dedicated to the consecrator Nikola of Mirlik and to the church feast of the Protection of the Virgin and that of the Saviour. However, the main altar consecration priorities have not been immune to change through centuries.

© 2000 г., ЭО, № 4

А.А. Бурькин

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ЗАГАДОЧНЫХ ЭТНОНИМОВ АРКТИЧЕСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧУКОТКИ

Давно стало общепризнанным фактом, что ономастический материал, в частности топонимы и этнонимы, представляет собой ценный историко-этнографический источник. Топонимы и этнонимы привлекают внимание исследователей, принадлежащих по крайней мере к четырем разным научным дисциплинам, – этнографов, историков, географов и лингвистов. Особый интерес в исторической и этнографической науке представляют такие этнонимы и топонимы, которые встречаются в ограниченном числе письменных и картографических источников и впоследствии выходят из употребления. В некоторых науках сложилась практика, согласно которой вышедшие из употребления топонимы приписываются легендарным, т.е. несуществующим, географическим объектам, а вышедшие из употребления этнонимы рассматриваются как наименования исчезнувших народов или отдельных этнических групп. Применительно к островам Северного Ледовитого океана, представляющим собой объект

внимания в некоторых работах по исторической географии и этнографии, может быть добавлена и проблема исчезнувших земель.

Однако трактовка названий мест и наименований этносов, употребляющихся в небольшом числе источников и неожиданно выходящих из употребления, как легендарных или вымерших не всегда оказывается верной. Примером может служить история названий трех рек Северо-Востока, встречающихся в документах XVII в. – Нелога, Погыча и Ковыча. Все три названия принадлежат реальным объектам, носящим в современной адекватной записи сходные названия Ныглеин" ынваам, Пучевеам и Кувет, и располагаются на сравнительно небольшом пространстве Западной Чукотки вокруг Чаунской губы¹. К этому можно добавить, что ни на одной из этих рек никогда не было и до сих пор нет населенных пунктов. Иными словами, приведенные выше гидронимы относились и к названиям местностей к местностям, малоизвестным даже для коренного населения Чукотки.

Настоящая статья служит продолжением исследований топонимии и этнонимии Крайнего Северо-Востока Азии. Ее предметом являются некоторые этнонимы, а также связанные с ними топонимы, которые встречаются в историко-этнографических источниках XVII–XX вв. Идентификация данных этнонимов, составляющая предмет дискуссии в имеющейся литературе, имеет важное значение для изучения топонимии и этнической истории Арктического побережья Чукотки, миграций и географического кругозора отдельных территориальных групп Северо-Востока Азии, а также для изучения ранних этнокультурных контактов разных групп коренного населения этого региона.

Шелагский мыс и шелаги

Топоним «Шелагский мыс», служащий названием мыса на побережье Восточно-Сибирского моря к востоку от Чаунской губы, как совершенно справедливо отмечается во многих источниках, связан с загадочным этнонимом *шелаги*. Общеизвестно, что название мыса происходит от названия народа шелаги, однако и происхождение этого этнонима, и этническая принадлежность тех, кого так называли, остаются до настоящего времени без объяснения.

В.В. Леонтьев, обсуждая в своем словаре происхождение наименования мыса Шелагского, высказывал предположение, что название «шелаги» вошло в обиход и в научный оборот по недоразумению – так как чукча Копай сообщил русскому промышленнику И. Велегину имя своего старшины, однако при этом он не исключал и того, что вариант «шелаги» может отражать трансформированное чукотское название жителей Чаунской губы *чаальыт*². Иного мнения придерживался В.А. Туголуков, который считал шелагов юкагирами, причем как раз той их территориальной группой, представители которой в течение второй половины XVII–XVIII в. проявляли особую миграционную активность и в конце концов затерялись где-то вблизи Арктического побережья между Чаунской губой и устьем Лены³. Ранее эту же точку зрения высказывали и В.Г. Богораз и один из его учеников П.Ю. Молл⁴.

Из известных нам материалов легко складывается впечатление, что шелаги – это какой-то особый народ, который жил на Западной Чукотке до расселения чукчей. А.И. Алексеев, пересказывая книгу Ф.П. Врангеля, пишет: «Здесь повстречали старого чукчу во главе целого стойбища. Этот чукча говорил, что он потомок *шелагов*, или *чаванов*, и что от последнего названия и носит свое имя Чаунская губа»⁵.

Этноним «шелаги» в разных вариантах фиксируется в документах не ранее первой трети XVIII в. Это название фигурирует также в некоторых картографических источниках начала XVIII в. На якутской карте 1710 г. имеется надпись: «Нос Шелацкой живут люди шелатцково роду»⁶. Известно, что в 1710 г. Данило Бусорманов, пройдя на восток от устья Колымы, достиг устья большой реки, но был убит шелагами⁷. На Генеральной карте Российской империи 1734 г. на мысе, который ныне именуется Шелагским, имеется надпись «Schelati populus» – «Народ Шелати» (эта форма,

странная для восприятия, ниже получит свое объяснение). На Генеральной карте Российской Империи, изданной в 1745 г., этот мыс назван «Нос шалагинской», а указание на таинственный народ уже отсутствует.

Проблема происхождения, этнической принадлежности и этнической истории шелагов могла бы стать одной из историко-этнографических загадок Северо-Востока Азии, однако надо сказать, что вопрос о шелагах мало привлекал внимание исследователей. По сути дела, одним из немногих, кто брался за обсуждение этнической принадлежности шелагов с опорой на известные источники, был В.А. Туголуков, сформулировавший свое видение шелагской проблемы в статье «Предания об уходе юагиров на острова и "за море"».

Кажется, ныне мы получили возможность не только определить значение этнонима «шелаги» и установить этническую принадлежность тех, кто носил это имя, но и выявить источник устойчивой историко-этнографической традиции, по которой шелагов и чуванцев считают одним и тем же народом, причем и тех и других признают юагирами. Самое интересное заключается в том, что чукотский старшина сказал Ф.П. Врангелю самую что ни на есть чистую правду, только его слова не могли понять правильно три поколения ученых.

Любопытно, что во второй половине XIX в. во время своего путешествия по Восточной Сибири Г. Майдель, кажется, один из последних, кто пытался отыскать следы шелагов в рассказах их соседей – чукчей, получил на свои расспросы ответ, что слово «шелаги» – русское и чукчи о таком народе никогда не слышали. По их словам, Шелагский мыс всегда назывался мысом Эрри и на нем всегда жили чукчи⁸. Сам Майдель писал, что в Нижнеколымске «шелагов считают за одно из племен чукчей... На Анадыре тоже ничего не знали о шелагах. Таким образом это имя известно исключительно со слов Ивана Вилегина, который по всей вероятности ошибся – и такого народа, по-видимому, вовсе никогда не существовало»⁹.

Много ранее в реальности существования отдельного народа шелагов не без основания сомневался Г.А. Сарычев, описывавший два жилища, найденные на северной стороне Баранова камня: «О жителях сих мест, *которые без сомнения должны быть чукчи* (курсив наш. – А.Б.), сказывали колымские казаки, что они назывались шелагами. По поселении в соседстве с ними россиян перешли они на восток и основали жилище свое близ выдавшегося далее прочих к северу мыса, который с того времени стал называться Шелагским»¹⁰.

В «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР» среди географических названий бассейна Чаунской губы засвидетельствовано название Чулек – река, левый приток р. Чаун (Малый Чаун), ее чукотское название Чульын¹¹. Соответственно название жителей бассейна этой реки по-чукотски должно было звучать как *чульылыт* или *чулыт*, что и соответствует как нельзя лучше искомому этнониму «шелаги», казавшемуся таким загадочным в течение стольких лет. Таким образом, шелаги – это жители бассейна р. Чаун и ее притоков, часть жителей берегов Чаунской губы. Таинственная надпись Schelati на карте 1734 г., – не что иное, как чукотская форма множественного числа *чулыт* – собственно «чаунские чукчи, жители долины реки Чаун».

Само название р. Чулек, вопреки «Топонимическому словарю», не имеет ничего общего с эвенским словом чул – «водопад». Эвенской топонимии в этом районе вообще нет. Видимо, название образовано от чукотского корня *чу-/чьо* со значением «передняя часть, передний край» (ср. *чьо-гыргын*, *чьо-выргын* – «передняя стена полога», *чу-чурмын* – «челка на лбу»). Гортанный смьчный утрачен, вероятно, так же, как и в форме *ча-ван*, послужившей источником для названия р. Чаун. Форма гидронима Чулек, включенная в словарь, – это чукотская форма местного падежа с суффиксом -к от названия р. Чульын.

В.И. Иохельсон указал, что верхнеколымские юагиры называли чуванцев словом *шолила*¹² (правда, тут остается неясным, кого называл чуванцами сам В.И. Иохель-

сон). Как бы то ни было, но эта форма явно отражает образованную от рассматриваемого этнонима форму чукотского эргативного падежа *чульлььэ*, или, что менее вероятно, форму множественного числа *чулаг"ылаг"у*, образованную по корякскому образцу (по-чукотски множественное число этого слова выглядит как *чульлььыт*). Еще в начале XIX в. название оседлых чукчей на западе Арктического побережья, по материалам того же Ф.П. Врангеля, выглядело как *Namollo*, т.е. *нымыльа* (эргативный падеж от *нымыльын* – «оседлый» и *нымыльыт* – «оседлые») – такие формы отмечены в работах В.Г. Богораза и И.С. Вдовина, посвященных этнической истории чукчей¹³.

В рассуждениях о шелагах, присутствующих в трудах довольно большого числа авторов, ускользнули от внимания исследователей те упоминания о них, которые имеются в материалах Я.И. Линденау. Он писал: «...по моим предположениям, коряки образовались от смешения чукчей, шелагов, моноков (скорее всего, омоков – ануийских юкагиров. – А.Б.) и камчадалов в результате междоусобных войн... Если верить сообщениям, что даже часть шелагов не так давно можно было встретить на Енисее»¹⁴. В другом месте Линденау пишет: «...пешие чукчи живут для ловления белых медведей около Шалагинского носа, который так называется, потому что около тамошнего места жила народы, именуемые шалагинские»¹⁵.

Из этого текста явствует, что уже в первой половине или по крайней мере во второй трети XVIII в. этноним «шелаги» не воспринимался как название сколь-нибудь заметного этноса, который был бы представлен на тогдашней этнической карте Северо-Востока. Живущие на мысе Шелагском чукчи, вполне возможно, исторически могли принадлежать к жителям бассейна Малого Чауна – *чульлььыт*, что и нашло в конце концов свое отражение в русском названии этого мыса. И даже то, что «шелаги» объявились на Енисее, получает объяснение. Во-первых, на столь большое расстояние к западу от Колымы могли проникнуть прежде всего представители самой западной из территориальных групп чукчей, а ими-то как раз и были чаунские чукчи, чукчи-чульлььыт, т.е. те самые загадочные шелаги. Во-вторых, здесь не исключена и путаница в названиях: возможно, сыграло роль созвучие названий «шелаги» с названием эвенкийского рода Шилигир, иногда писавшимся как Шилаги¹⁶. Маловероятно, чтобы это эвенкийское родовое название происходило от самоназвания чаунских чукчей, как бы далеко они ни перемещались на запад в исторические времена.

Чукотский старшина, разговаривая с Ф.П. Врангелем, сказал о себе чистую правду – похоже, что он действительно был потомком «шелагов или чаванов» (так у Врангеля), т.е. происходил из чаунских чукчей-*чаалыт* или *чульлььыт*: эти два названия территориальных групп чукчей так близки по смыслу, что мы сейчас не можем сказать, имелась ли между ними какая-либо разница. Зато теперь мы определенно знаем, что на мысе Шелагском всегда жили именно чукчи, причем та группа чукчей, которая пришла в эти места с южного побережья Чаунской губы. Из всего имеющегося в источниках материала явствует, что в отношении этнонима «шелаги» дальнейшие поиски какого-то неизвестного племени, притом юкагириязычного, представляются бесперспективными. Напротив, то, что Западная Чукотка в середине XVII в. была заселена чукчами уже в такой степени, что отдельные территориальные группы их уже имели собственные наименования, хорошо согласуется с нашими знаниями топонимии этого региона. С середины XVII в. здесь не фиксируется самоназвание приморских чукчей *ан"к"алыт*, и в этом можно видеть косвенное указание на историческую принадлежность чаунских чукчей к оленным чукчам-*чавчыват*.

М.И. Белов (и кроме него, кажется, более никто) обратил внимание на то, что на чертеже Сибири 1687 г. Шелагский мыс имеет название Поярко¹⁷. Трудно определенно сказать, от какого слова может происходить данное название и что оно обозначает. По-юкагирски *подьарха* – это «белизна», «блеск»¹⁸. По-чукотски *пырк"а-пыр* – «кекур», «скала», по-корякски *пырк"ав* – «кекуры», «скалы», которые действительно,

располагаются чуть севернее современного пос. Янранай недалеко от мыса Шелагского. Можно также предположить, что на эту карту попало название одной из территориальных групп чукчей, живущих в районе нынешнего г. Певека, которые могли называть себя *пээкильыт* (эргативный падеж *пээкильэ*) – «жители окрестностей горы Пээкин"эй».

Сам Ф.П. Врангель писал о шелагах следующее: «Одинаковая с ними (омоками. – А.Б.) судьба постигла шелагов, обитавших на приморской тундре, лежащей к востоку от Колымы. Они были вытеснены оттуда чукчами. От шелагов получил свое название Шелагский мыс. Чукчи называют сей народ Чауаджан или чавача, а вместе с тем реку и губу Чаунскими или Чаванскими. От одного корня с шелагами происходят и тунгусы...»¹⁹. М.А. Сергеев высказал свое мнение по вопросу о шелагах в историко-этнографических примечаниях к последнему изданию труда Ф.П. Врангеля: «Шелаги, чаваны – видимо, оторвавшаяся от основной массы своего народа восточная группа чукчей. Возможно, что какая-то группа шелагов-чаванов попала в давние времена на современный остров Врангеля. Чукотское предание о таком переселении подтверждается в какой-то степени интересным сообщением Минеева о найденных в 1937 году на этом острове останках старинных поселений»²⁰. Здесь явное повторение сообщения Ф.П. Врангеля, который ссылался на слова чукотского старшины. Но в приведенном тексте есть одна ошибка: речь должна идти об одной из западных групп чукчей, а не о восточной. В целом же надо признать, что данное мнение по проблеме шелагов оказалось наиболее близким к истине, хотя проблема этнической принадлежности обитателей древних поселений на о-ве Врангеля требует отдельного обсуждения. Был совершенно прав и В.В. Леонтьев, который считал шелагов отдельной группой чукчей, жившей в описываемых местах²¹. Он ошибся лишь в том, что за названием «шелаги» скрывалось не личное имя старшины, а название соседней территориальной группы чукчей – чукчей, живущих на р. Чаун.

Чаун и чуванцы

На современной карте Чукотки название Чаун – это название реки, а также горы в ее верховьях, давнее наименование Чаунской губы, а впоследствии и целой территории, вошедшей в историю освоения Севера во второй трети XX в. под названием Чаун-Чукотки. Считается, что название Чаун связано с юкагирским словом *чавул* – «море». Атрибутивная форма чавун – «морской», как предполагают некоторые авторы, может лежать также в основе известного этнонима «чуванцы»²².

Мы полагаем, что использование названия Чаун как оронима (имени горы) исключает данную версию и позволяет поставить под сомнение юкагирскую основу топонима. По-чукотски та гора, о которой идет речь, называется *Чаан"ай*, а река – *Чаан*, или *Чававаам*²³. Значение данного названия точно не известно, но в том, что это название имеет чукотское происхождение, особых сомнений нет. Можно думать, что в основе этого топонима лежит чукотское слово *чьэчэн* – «холод», тогда *чьа-ван* – это «холодное место», где при междиалектных заимствованиях в чукотском языке или при заимствовании названия другими языками могла произойти утрата гортанного смычного согласного.

Относительно этнонима чуванцы стоит заметить следующее. Связь его с топонимом Чаун – лишь предположение, доказать которое было бы весьма непросто, и мы не пытаемся этого делать: для нас важнее разобраться, существует ли эта связь на самом деле. Возможно, что юкагирское слово *чавунди* – «приморский житель», образованное от собственно юкагирского слова *чавул* – «море» обозначало не какую-то отдельную группу юкагиров: они могли называть этим именем потомков оленных чукчей, осевших в районе Чаунской губы. Прояснить этот спорный вопрос, возникший почти ниоткуда на месте, где некоторое время назад все было ясным и понятным, могло бы только изучение личных имен чуванцев XVII в. – «аманатов» и «ясырей»; юкагирские они, или чукотские – тогда ответ был бы найден. Однако известные нам

имена «чуванцев» обычно так искажены при записи в документах, что выяснить их значение и установить происхождение почти невозможно. Ненадежны и указания документов на самую этническую принадлежность аманатов. Кроме того, если чукотские личные имена хорошо опознаются и соотносятся с современными чукотскими фамилиями даже при значительных искажениях, то юкагирские личные имена для нас остались почти неизвестными, мы недостаточно знаем словарный состав языка верхнеколымских юкагиров, и вопрос о юкагирской антропонимии XVII–XIX вв. по существу остается открытым.

Поздняя история названия этнической группы «чуванцы» достаточно хорошо известна: применительно к коренным жителям пос. Марково и его окрестностей это название не использовали ни А.Е. Дьячков, ни А.В. Олсуфьев²⁴ – авторы описаний Анадырского края, ни более поздние путешественники и ученые. В.Г. Богораз отметил, что старожилы бассейна Анадыря стали именовать себя чуванцами только во второй половине 1920-х годов, с тем чтобы отличить себя от пришлового населения. Вот что он писал в своем романе «Воскресшее племя», описывая жизнь Института Народов Севера: «...В группе было 5 человек так называемых чуванцев, то есть в сущности чуванцев давно обруселых и ставших во всех отношениях русскими. Лет 20 назад обруселые чуванцы смотрели свысока на простодушных чукчей и про себя называли их дикими лесными людьми. Теперь, наоборот, они вспомнили о своем туземном происхождении и опять вспомнили название чуванцев»²⁵.

Я.И. Линденау в 1740-х годах писал: «Якуты называют юкагиров Чукап [Tschukan]»²⁶. Слово это не якутское и не юкагирское. Кажется, у него может быть только один источник – чукотское прилагательное *чаакэн* – «чаунский». Это опять-таки обозначение жителей конкретной, хорошо знакомой нам местности – района р. Чаун или побережья Чаунской губы, не дающее указаний на их этническую принадлежность.

Возникает правомерный вопрос: могли ли вообще юкагироязычные этнические группы в исторические времена находиться в окрестностях Чаунской губы? На побережье Чаунской губы и в целом в пределах современного Чаунского района Чукотки географические названия юкагирского происхождения не засвидетельствованы, хотя в целом топонимия этого района хорошо изучена: все старые географические названия выглядят как чукотские и их значение довольно легко выясняется. Среди множества названий чукотского происхождения выявлено, причем случайно, только одно исключение – название гор Маркоинг, расположенных к юго-востоку от Чаунской губы²⁷. Хотя в словаре В.В. Леонтьева говорится, что языковая принадлежность этого названия не установлена, однако это название легко выводится из юкагирского слова *морхэ(н)* – «карликовая береза», широко представленного среди географических названий по соседству в Якутии в форме *Марха*. По своей форме название гор Маркоинг происходит из языка нижнеколымских юкагиров и скорее всего было записано достаточно поздно, видимо, в начале XIX в., и от тех нижнеколымских юкагиров, которые служили проводниками для многочисленных экспедиций, направлявшихся из Нижнеколымска к востоку от Колымы и вдоль побережья Ледовитого океана. От этих же юкагиров, которые не составляли постоянного населения Чаун-Чукотки, возможно, было записано в качестве названия о-ва Айон слово *Сабадей*, по-юкагирски *сабидый, сабидыл* – «растягивается, расстилается»²⁸.

Таким образом, при всем сходстве названий р. Чаун и народа «чуванцы» с юкагирским словом *чавул* – «море» находятся основания считать эти названия не юкагирскими, а чукотскими. В отношении географических названий этот вывод делается со значительной уверенностью, а этническая история чуванцев и других групп заколымских юкагиров XVII–XVIII вв. представляет собой сложный и запутанный вопрос, который, как кажется сейчас, не имеет однозначного решения. Похоже, что юкагиры, жившие к востоку от Колымы, уже в середине XVII в. были смешаны с коренными жителями Чукотки – чукчами. Слишком часто у восточных юкагиров – и не у одних чуванцев – в качестве личного имени встречаются формы Чекчой, Чекчо,

Чипчюга и другие похожие на них. Во-первых, во всех этих написанных трудно не заметить самоназвание оленных чукчей *чавчыв* – скорее всего, этническое название записывалось в качестве личного имени. То, что название Чаун могло происходить от наименования этнической группы, жившей в данной местности²⁹, по существу лишено оснований. Налицо обратное – наименование территориальной группы чукчей по местности, в которой они проживали и проживают до настоящего времени, хотя название *чаалъыт* – «чаунские чукчи» и утратило прежнюю определенность.

Земля Китиген и ее обитатели Чукотско-эскимосские этнические контакты и ранняя история о-ва Врангеля

На «Карте мест, от Енисея до Камчатки лежащих», составленной Ф. Бейтоном в 1710–1711 гг., к северу от Арктического побережья показаны два острова: один – к востоку от Мыса Шелагского, второй – к северу от Колючинской губы. На «Карте якутского дворянина Ивана Львова» к северо-востоку от мыса Шелагского имеется «остров, на котором живут чукчи»³⁰. Эти карты могут быть одними из первых указаний на о-в Врангеля как на географический объект и на то, что он был в это время обитаем чукчами.

На карте 1765 или 1766 г., составленной командиром Анадырской крепости Ф.Х. Плениснером, изображена земля к северу от Шелагского мыса, помеченная надписями: «Земля Китиген, живут люди», «Живут люди храхай. Много лет спустя священник А. Аргентов, с именем которого связана миссионерская деятельность среди нижнеколымских чукчей и которому принадлежат несколько научных работ о Чукотке и чукчах, отмечал, что в 1841 г. в Иркутске он видел карту, где была показана «Земля, обитаемая хряхами». К сожалению, мы не знаем, какую именно карту мог видеть Аргентов. По мнению В.А. Туголукова, изучавшего эти сведения при сборе материалов о походах жителей Арктического побережья на близлежащие острова, речь в этом случае должна была идти об Аляске³¹.

На карте 1765 г., составленной Николаем Дауркиным, к северу от Чаунской губы помечена «земля Тикиген», на которой «живут люди... оленные, а их чукчи называют храхай и у них разговор как у чукоч, а у оных меди красной довольно, копыя и ножи, котлы медные». Название земли Тикиген здесь и далее, очевидно, то же самое, что и название Китиген на карте Ф.Х. Плениснера (форма «Китиген» нам кажется более близкой к языковой реальности). Однако на более поздней карте Н. Дауркина, составленной в 1774 г., отсутствуют и «земля Тикиген», и «остров Ным-Ным»³². Если земля Китиген ≈ Тикиген пока остается загадочной (мы обратимся к ней в дальнейшем), то название таинственного острова нам понятно, хотя и не лишено интриги: в чукотском языке слово *нымным* обозначает «поселок, селение». Какое селение мог иметь в виду Дауркин или его информаторы среди арктических льдов, сказать трудно, однако можно думать, что для такого названия у них имелись свои причины.

Летом 1787 г. во время экспедиции на судах «Наллас» и «Ясашна» капитан Тимофей Шмалев, прекрасно знавший Северо-Восток России, рассказал Г.А. Сарычеву, что слышал во время встреч с чукчами о «матерой земле», расположенной где-то к северу от Шелагского мыса. Как уже говорилось, Николай Дауркин также знал об этой земле и изобразил ее на нескольких своих картах³³. Позднее Г.А. Сарычев писал: «Мнение о существовании матерой земли на севере подтверждает бывший 22 июня юго-западный ветер, который дул с жестокостью двои сутки. Силою его, конечно бы, должно унести лед далеко к северу, если б что тому не препятствовало. Вместо того на другой же день увидели мы все море, покрытое льдом. Капитан Шмалев сказывал мне, что он слышал от чукоч о матерой земле, лежащей к северу, не в дальнем расстоянии от Шелагского носа, что она обитаема и что *шелагские чукчи* (курсив наш. – А.Б.) зимнею порою в одни сутки переезжают туда по льду на оленях»³⁴. Ему же принадлежит исключительно важное замечание, позволяющее оценить расстояние

до предполагаемой земли: «В летние большие дни можно на оленях без клади проехать до 150 верст»³⁵.

В последующие годы наиболее интересные сведения о «матерой земле», лежащей к северо-востоку от мыса Шелагского, были получены Ф.П. Врангелем и его спутниками. Один из участников этой экспедиции, Ф.Ф. Матюшкин, в с. Островное встретился с чукотскими старейшинами, однако на его расспросы они не отвечали. Лишь чукча по имени Валетка нарисовал к северо-востоку от мыса Шелагского остров, и рассказал, что остров «горист, обитаем и должен быть весьма велик, и куда ежегодно они отправляются на кожаных байдарах для торгу». Матюшкин тогда подумал, что Валетка рассказывает ему об Аляске, и только потом выяснилось, что в рассказе Валетки речь шла о земле, которую можно было видеть к северу от мыса Якан³⁶.

В марте 1823 г. Ф.П. Врангель возле мыса Шелагского встретился с чукотским старшиной, и тот рассказал Врангелю об окрестных землях то, что сам знал. Вот как описывает эту встречу сам Ф.П. Врангель в письме к Ф.П. Литке: «Поэтому ты можешь себе представить мое удивление и радость, когда чукотский старшина-камакай стал утверждать, что недалеко от их земли на Севере есть гористая земля, и что он сам летом видел горы в море, по мнению его, не в весьма дальнем расстоянии. Он описал нам то место, откуда горы видны, присовокупив, что правее или левее земля "X" удаляется от чукотского берега, к которому подходит острым мысом у описываемого им места»³⁷.

Это описание со времени первого издания книги Ф.П. Врангеля служит источником исторической и этнографической путаницы. Тут не совсем ясно, кто именно счел слово «Камакай» синонимом слова «старшина»: то ли сам Ф.П. Врангель допустил ошибку, то ли это сделал кто-то из интерпретаторов его текста, но далее в пересказе содержания рассказа, записанного Ф.П. Врангелем, у многих авторов слово «Камакай» несколько раз употребляется в значении лица, облеченного у чукчей какой-то властью. Тем не менее это явное недоразумение.

Во-первых, известно, что чукчи называли своих старейшин словом *эрым*, *эрмачьын*, иногда *авынральын*. Во-вторых, слово Камакай является личным именем этого чукотского старшины, но никак не названием его должности или социального статуса. В.Г. Богораз в конце прошлого века встречался с потомками этого чукотского старшины и видел у них принадлежавшие ему документы. Богораз отметил, что имя этого старшины – К"ымгык"ай – по-чукотски означает «червячок»³⁸. Однако эта поправка, сделанная В.Г. Богоразом, так и не нашла отражения ни в историко-географической, ни в этнографической литературе.

Другое недоразумение, связанное также с описанием путешествия Ф.П. Врангеля, касается «старейшины Еррима», упоминаемого в его книге. Здесь, наоборот, Еррим – это, конечно, не личное имя, а социальный статус человека: «старейшина», по-чукотски *эрым* – «предводитель, начальник, глава». В современном чукотском языке слово *эрым* означает главу администрации округа, района или села.

В 1828 г. Г.А. Сарычев, будучи уже в чине вице-адмирала, предложил снарядить еще одну экспедицию для поисков земли, видимой к северу от мыса Якан. Начался сбор сведений об этой земле среди местного населения. Во время зимней ярмарки 1828/29 гг. в Островном колымский окружной исправник Тарабукин и священник нижеколымской миссии Трифонов независимо друг от друга собирали среди чукчей, приехавших на ярмарку, сведения о земле, лежащей к северу от арктического побережья. Все семеро опрошенных чукчей говорили, что им известно о земле к северу от мыса Якан³⁹.

Чаунский *тойон* (так на якутский лад у местной администрации было принято называть чукотских эрымов, что и зафиксировали рассматриваемые источники), богатый чукча Николай Ятыргин рассказывал, что «землю, лежащую на немалое пространство к северу на Ледовитом море, представляющую с несколькими падами горы, весной и летом в тихий ясный день с мыса Якана совершенно они видают, но по ненадобности и неудобству пути никакого сообщения с ней не имеют». Он же сказал, что со стороны

этой земли в январе и феврале приходят стада оленей. Чукча по имени Инокхей, житель о-ва Айон, сообщил, что ранее он долгое время жил вместе с отцом вблизи мыса Якан и сам неоднократно видел эту землю⁴⁰.

Чукча Нухай, родственник Ятыргина, описал подробности посещения их юрты неизвестными людьми, якобы жителями земли, лежащей к северу от мыса Якан. По мнению некоторых комментаторов этого рассказа, указание на употребление незнакомцами «кирагульского» языка и описание их одежды говорят о том, что речь в рассказе Нухая может идти об эскимосах Аляски. Михайло Третьяков, он же Вевтугитьке, отметил, что жители неведомой земли разговаривают между собой на таком наречии, которое видевшиеся с ними чукчи нисколько не понимали⁴¹. Однако в этом рассказе, как станет ясно из дальнейшего изложения, в качестве предположений объединены разные события.

Все эти рассказы чукчей не были даже сколько-нибудь серьезно проанализированы. В 1832 г. дело осылке экспедиции для поисков земли к северу от мыса Якан было закрыто. И только летом 1867 г. американский китобой Томас Лонг на барке «Нил», нисколько не мечтая об открытии какой-либо земли, увидел тот остров, к которому так стремился Ф.П. Врангель и который теперь носит его имя.

Любопытно, что о «земле Тикиген» упоминает и Ф.П. Врангель в письме к Ф.П. Литке от 11 июня 1822 г.: «... В Колымске меня ничего не утешает и не занимает, исключая моего поручения, оно так меня связало, что не желал бы переменить нарту на корабль и тундряные берега Ледового моря на прекраснейший Перу, пока не очистится карта от земель Тикигена и пр., или покуда не означатся они резкими чертами вместо пунктирных»⁴².

Итак, загадка земли Китиген, или Тикиген, содержит в себе сразу две загадки: топонимическую и этнографическую. Попробуем с ними разобраться.

По В.Г. Богоразу, чукчи называли Аляску *Кымын*, а жителей Аляски – *кымыльыт*, что соответствует названию эскимосского поселения на мысе Принца Уэльского *Киги*, жителей которого по-эскимосски называют *кихмит* или *кинугмиут*⁴³. В.В. Леонтьев дает те же самые названия в более точной записи: по его изложению, чукчи именуют Аляску *Кыгмин*, а аляскинских эскимосов – *кыгмильыт*⁴⁴. Эта форма надежно идентифицируется с названием народа *кыкфыме*, приводимым В.А. Туголуковым⁴⁵; она могла быть заимствована чукчами непосредственно из эскимосского языка, и юкагиры тут оказываются совершенно ни при чем. Надежный языковой идентификатор сравниваемых этнонимов – собственно эскимосский суффикс названий жителей какой-либо местности *-мит*.

Указание В.А. Туголукова на то, что народ кыкыкме «похож на юкагиров», заслуживает комментария и, возможно, проливает некоторый свет на происхождение самого этнонима «юкагиры». Если принять во внимание, что этноним юкагиры имеет странное внешнее сходство с чукотским словом *йыкыргавыльыт* – «дыряворотые», которое у чукчей служит названием тех же эскимосов, то получается, что мы в данном контексте опять имеем два стоящих рядом названия, относящихся к одному и тому же этносу, как и в случае с чукотским старшиной – потомком «шелагов, или чаванов». В данном случае сходство чукотского названия эскимосов *йыкыргавыльыт*, не менявшего своего значения, с современным этнонимом *юкагиры*, относительно значения которого в ранних текстах можно лишь догадываться, легко может ввести в заблуждение.

Однако же название загадочной земли Китиген – Тикиген не слишком похоже на чукотское название Аляски Кыгмин. Зато оно обладает видимым сходством, во-первых, со словом *к"ытрын* – «галечная сухая коса»⁴⁶, «мыс», «коса». Обратим также внимание на то, что мыс у восточного входа в Чаунскую губу по-чукотски называется *К"атэк"энмээм* – «Чаячья скала» (в современной записи *Катекенмээм*)⁴⁷. Сходство данного названия с названием Китиген при предположительной близости географических объектов выглядит более чем интригующим. Из-за изрезанности восточного

берега Чаунской губы данная местность по описаниям чукчей могла быть принята за остров либо это название было перенесено на какой-то другой объект при расспросах или записи, хотя название с таким значением, как Чаячъя скала, просто не поддается локализации на местности.

Если в рассмотренных рассказах чукчей речь идет о какой-то части Арктического побережья, то тогда все приведенные выше рассказы похожи на недоразумение. Но возможно, что никакого недоразумения тут нет – вероятнее всего, чукчи рассказывали о мысе Блоссом, юго-западной оконечности о-ва Врангеля, ближайшей к земле чаунских чукчей точке острова. Впрочем, наиболее логичным выглядит предположение, что именно так – К"ытрын – чукчи могли называть этот мыс. Само по себе чукотское название о-ва Врангеля звучит как *Умкилир*, что значит «Остров белых медведей»; оно могло появиться и войти в оборот среди говорящих на чукотском языке сравнительно недавно, легко понятно для знающих чукотский язык и не требует никаких объяснений.

Название народа *храхаи*, *хряхи*, упоминаемого рассмотренными выше источниками второй половины XVIII – первой половины XIX в., ныне может быть объяснено без того, чтобы предполагать возможность таинственного исчезновения какого-то народа или чьей-то территориальной группы. Это название почти без сомнений объясняется из чукотского языка как *а-к"ора-кы* – «не имеющий оленей». Таким образом, чукотское наименование *ак"оракыльын*, множественное число *ак"оракыльыт* – «не имеющие оленей, безоленные» может относиться в равной мере к кому угодно: и к приморским чукчам, и к эскимосам, и к юагирам. Тут уже ясно только одно – что это не те самые *коряки*, которые живут на севере Камчатки. Данная форма – практически случайно – является также и ключом к пониманию происхождения современного этнонима *коряки*: именно так, согласно документам 1640-х годов, чукчи-оленоводы называли приморских охотников – береговых жителей. И если на Арктическом побережье это название могло относиться к кому угодно – все сообщения о «коряках» и «коряцких людях» до настоящего времени выглядели весьма странными, то на Тихоокеанском побережье это название оказалось однозначно связанным с обозначением сначала оседлых *коряков*, а затем и *коряков-чавчуменов* – оленных *коряков*. Правда, «кирагульский» язык, если бы это был язык приморских чукчей, должен был быть понятен тем чукчам, которые жили в районе Чаунской губы, но если считать непонятность языка серьезным доводом, свидетельствующим о том, что говорящие на этом языке не чукчи, следовало бы считать этих людей обитателями морского побережья – эскимосами, а не тундровыми жителями – юагирами.

О таинственных носителях «кирагульского» языка слышал в конце 1860-х годов Г. Майдель, посетивший в это время Чукотку. Его рассказ заслуживает того, чтобы привести его целиком: «Сами чукчи рассказывают, что они получают меха от кергаулов или икергаулов... но что последние добывают пушнину тоже не сами, а привозят ее издалека; чукчи однако тоже торгуют не непосредственно с кергаулами, но между ними существуют посредники. По уверению моего друга Пангао, чукчи едут в своих кожаных лодках около дня Петра и Павла на остров Илир, на котором живет народ, носящий название *иммалинов*, говорящий совершенно особым языком, не похожим ни на язык кергаулов, ни на язык айгванов, обитающих среди чукчей между устьем Анадыря и мысом Пээк. *Иммалины* одеваются в платья из птичьих шкур. На острове торговля ведется с *иммалинами*, которые таким образом являются простыми посредниками, но изредка случается торговать тут и с самими кергаулами. Пангао утверждал, что однажды он решил даже посетить кергаулов и предпринял поездку в места их жительство, но что такое путешествие не совсем безопасно, потому что это дикое, разбойниче племя. Они жили в бревенчатых домах (очевидно, в землянках, построенных из плавника. – А.Б.) и ездили на собаках, оленей у них было очень мало и то только те, которых они выменивали у чукчей. Предметами торговли, на которые было больше всего спроса, являлись всегда олени шкуры, безусловно необходимые этому народу для одежды»⁴⁸. Итак, из этого рассказа явствует, что кергаулы, гово-

рящие на особом языке, живут по соседству с чукчами. На о-ве Илир, который посещают кергаулы, живут не менее экзотические жители – *иммалины*, язык которых не похож ни на чукотский, ни на «кергаульский» или «кирагульский».

Начать стоит, пожалуй, с таинственного о-ва Илир, название которого по-чукотски означает просто «остров», и с этнонима *айгваны*: – чукчи и поныне называют эскимосов – *айванальыт*. Но значит ли это, что кергаулы и иммалины – два загадочно исчезнувших народа? Дело в том, что иммалины из приведенного рассказа – это на самом деле, без всяких сомнений, те эскимосы, которые жили на островах Диомиды (эскимосское название острова Ратманова – Имаклик) и говорили на особом диалекте эскимосского языка: этот диалект принадлежит к той же группе, что и диалекты эскимосов северной части Аляски, Канады и Гренландии (диалект из группы инупик)⁴⁹. Судя по указанию Г. Майделя, этноним айваны, или айгваны, у чукчей в то время употреблялся по отношению к чаплинским эскимосам, жителям северо-западного побережья Берингова моря. Напрашивается практически безальтернативное утверждение, что загадочные кергаулы или икергаулы – это не кто иные, как науканские эскимосы, жившие до 1957 г. на азиатском берегу у самой узкой части Берингова пролива (позднее они были расселены по разным поселкам Чукотского р-на Чукотского автономного округа). Язык науканских эскимосов и в самом деле не похож ни на язык чаплинских эскимосов-айванов, ни на язык эскимосов островов Диомиды – имакликцев⁵⁰. Само же по себе название «кергаулы», или «икергаулы» (исключительно важно учитывать варианты экзотических названий, если таковые имеются!), является ничем иным, как чукотским словом *йыкыргавыльыт* – «дыряворотые» так чукчи называли эскимосов за несвойственный чукчам обычай носить лабретки – деревянные или костяные пластинки, которые вставлялись в специально продельваемые прорези на губах⁵¹.

По сообщению А. Аргентова, тех людей, которые покинули окрестности Чаунской губы и уплыли на неведомую землю, называли кавра-ремкит. Это бесспорно чукотское наименование дало повод В.А. Туголукову увидеть здесь записанное им в ходе этнографических экспедиций (а вообще хорошо известное) чукотское название эвенов *к"аарамкыт* – «оленные люди»⁵². Здесь, к сожалению, была допущена тройная ошибка. Во-первых, очевидно, что описываемый народ кавраремкит не имел ничего общего с эвенами, которых не было и нет в районе Чаунской губы до сих пор. Во-вторых, название какой-то этнической группы, которая вела подвижный образ жизни, *каврарамкыт* – «возвращающийся народ» по-чукотски понятно почти без исправлений и вполне осмысленно. В-третьих, это название соотносится с чукотским же названием кочевых торговцев, ездивших к оленеводам Западной Чукотки со своими товарами, – *кавральыт* – «взад и вперед ходящие»⁵³. Так по-чукотски называли в начале XX в. торговцев, кочевавших с востока на запад вдоль побережья и обратно. Так же точно чукчи могли называть ранее и какие-то группы морских охотников, время от времени появлявшихся в западной части Арктического побережья Чукотки и уходивших опять на восток. В.В. Леонтьев говорит о том, что «Чаунские чукчи называли восточных чукчей словом кавральыт... за то, что те совершали длительные торговые поездки, объезжая весь Чукотский полуостров»⁵⁴. Были ли это чукчи или эскимосы, установить практически невозможно (правда, исходя из исторических источников, можно сделать вывод, что эскимосы такой торговлей, кажется, не занимались), во всяком случае можно быть уверенным в том, что к эвенам эти люди не имели никакого отношения.

Таким образом, в литературе до сих пор строятся предположения, какой именно народ мог плавать или уходить куда-то в направлении на северо-восток от Чаунской губы или на север от мыса Якан. В то же время во второстепенных этнографических источниках – записках путешественников и воспоминаниях людей, бывавших на о-ве Врангеля в XX в., имеются прямые свидетельства того, что на острове имелись следы поселений приморских чукчей, причем, насколько можно судить, эти поселения относились как раз к интересующему нас времени, а именно к XVIII–XIX вв.

Из таких же источников нам становятся известными и некоторые особенности техники мореплавания, позволявшей чукчам-морским охотникам преодолевать значительные расстояния в условиях меняющейся ледовой обстановки. Очевидно, морские путешествия на дальние расстояния совершались значительными группами морских охотников на нескольких байдарках, в условиях непогоды или тяжелых льдов чукчи вытаскивали байдары на ледяное поле и разбивали на нем лагерь. Врач Л.М. Старокадомский, участник плаваний на ледоколах «Вайгач» и «Таймыр» в Северном Ледовитом океане в 1910–1915 гг. описал одну из встреч с чукчами-морскими охотниками в районе о-ва Врангеля: «Суда продвигались в мраке среди разбитого льда. Около полуночи с "Таймыра" заметили нечто совершенно необычайное – яркий огонь в море среди льдин. Подойдя ближе, мы разглядели на огромной льдине около трех десятков чукчей. Они вытащили на лед три кожаные байдары и развели большой костер из плавника. Этот табор среди льдов в Ледовитом океане представлял ночью поистине феерическое зрелище. При виде большого судна чукчи засуетились: одни спускали на воду байдары, другие проворно сбрасывали в них пожитки и охотничью добычу, третьи растаскивали в разные стороны горящие бревна и тушили их.

Спустя несколько минут вся группа дружно гребла к "Таймыру". Мы застопорили машину и дали шторм-трап. Несколько чукчей быстро взобралось на палубу. Среди чукчей, обычно низкорослых и плотных, резко выделялся державшийся главарем, очень высокий старик, с необычными европейского типа чертами лица.

Насколько удалось понять, чукчи во время охоты сильно удалились от берега и теперь не решались плыть между сталкивающимися на волнении льдинами, которые легко могли погубить их утлые байдары.

Мы снабдили чукчей кое-какими припасами из судовых запасов. Вскоре их байдары запылали по волнам, направляясь к громадной льдине, на которой отважные зворобы, видимо, хотели выждать наступление более тихой погоды⁵⁵.

Тот же Л.М. Старокадомский впоследствии писал: «Любопытно отметить, что много позднее (в 1937 г.) на о. Врангеля были найдены остатки древнего жилища, подобного тем, какие русские застали на Чукотке в XVIII в. Таким образом, бесспорно установлено, что на о. Врангеля обитали люди. Кто были эти люди – остается неясным. Возможно, что некоторые основания имеет бытовавшее среди чукчей предание о переселении на остров в давние времена какой-то чукотской семьи. После ухода или смерти этих первых поселенцев остров затем надолго остался необитаемым»⁵⁶.

Кроме сообщения начальника зимовки на о-ве Врангеля А.И. Минеева, известного по другим источникам⁵⁷, о таких находках сообщали и другие люди. В частности, о жилищах на западном берегу этого о-ва рассказывается в книге Л.В. Громова⁵⁸, на что позднее обратил внимание магаданский археолог Т.С. Теин⁵⁹.

Однако помимо этих сообщений имеется еще как минимум два источника информации о находках жилищ приморских чукчей на западном побережье о-ва Врангеля, которые до сих пор не привлекали внимания этнографов. Между тем они чрезвычайно интересны и важны даже в том случае, если выяснится, что все известные нам сообщения указывают на один и тот же реальный объект.

В книге известного полярного летчика, штурмана полярной авиации В.И. Аккуратова мы читаем: «Я вспомнил, как два года назад на мысе Блоссом видел руины каких-то странных построек, врытых в землю. Похожие на землянки, изнутри они были выложены плавником. В куче обгоревших костей моржа и медведя был обнаружен зубчатый костяной наконечник копья и тяжелая боевая палица из члена моржа. Значит, уже давно остров был обитаем. Потом что-то случилось: население вымерло или по каким-то причинам покинуло остров»⁶⁰. Человек по имени Анакуль, рассказывавший штурману Аккуратову о столкновениях чукчей с онкилонами в конце 1930-х годов, вероятно, Аналько, которого называет в числе новых первопоселенцев острова Врангеля Г.А. Ушаков в своей книге «Остров метелей» (Л., 1963). Аналько, как и другие первопоселенцы 1920-х годов, осваивавшие о-в Врангеля, – эскимос, родом он из бухты Провидения. И для эскимосов вполне естественно полагать, что

существуют два разных народа: оленные чукчи – *чавчыват* и чукчи-онкилоны – береговые жители – морские охотники, которые называют себя *ан"к"альит*. Остается загадкой, как об этих событиях из истории Арктического побережья могли знать жители Бухты Провидения, но это уже другая история.

Наконец, одно из самых поздних сообщений о старых чукотских поселениях на восточном берегу о-ва Врангеля – это дневники геолога и писателя О. Куваева, работавшего на острове в начале 1960-х годов в составе геофизической партии: «На острове Врангеля у мыса Фомы обнаружены остатки древнего жилища и предметы домашнего обихода охотника. По словам живущих на Врангеле эскимосов, это жилище очень похоже на распространенный тип онкилонских землянок (т.е. землянок приморских чукчей. – А.Б.) Кто знает, какие еще этнографические загадки таит в себе чукотская тундра...»⁶¹.

Как бы в подтверждение слов О. Куваева в недавно изданном словаре старожилческих говоров Якутии встретилось загадочное слово *агараны*, оставшееся без определения и зафиксированное в следующем контексте: «А дамно здесь на Кулумето, всякы агараны зыли, наши и чузие, агараны каки-то говорят»⁶². Здесь форма *агараны* – не этноним, а адаптированное местным русским говором чукотское слово *лыгэран* – «яранга, жилище чукчей-оленеводов», «земляника-жилище оседлых чукчей» (буквально «настоящее жилище»), или слово *агран* – «зимний (меховой) полог в яранге». Слово *лыгэран* в чукотском языке имеет значение «разборное жилище кочевников-оленеводов», «жилище оседлых морских охотников», в то время как широко известное чукотское слово *яран"ы* обозначает не только ярангу и полуземлянку, но и вообще любое жилище, в том числе и современный дом или квартиру. Крайне маловероятно, чтобы старожилы Нижней Колымы именовали бы местное население библейским словом «агаряне».

Интерпретация этнонимов Арктического побережья Чукотки, употреблявшихся в документах XVII – начала XIX в. позволяет сделать вывод, весьма значимый для характеристики этнической истории Западной Чукотки и Крайнего Северо-Востока в целом: этнический состав населения Западной Чукотки на протяжении последних четырех столетий был достаточно однородным, и вся прилегающая к морскому побережью территория была заселена различными группами оленных и оседлых приморских чукчей. Отдельные группы приморских чукчей поддерживали контакты с эскимосами северо-восточной части Чукотского п-ова, островов Берингова пролива и Аляски. Вероятно, периодически какие-то группы приморских чукчей жили на западном побережье о-ва Врангеля. Топонимический ландшафт Западной Чукотки оказывается достаточно однородным, он соотносится с чукотским языком и не обнаруживает иноязычных вкраплений, которые могли бы считаться признаками языка-субстрата. Юагиры на Чаун-Чукотке оказываются довольно поздними пришельцами, их присутствие почти не оставляет следов в топонимии, хотя в целом этническая история заколымских юагиров, к которым традиционно относят ходынцев, чуванцев и анаулов, требует дальнейших исследований.

Примечания

¹ Бурькин А.А. Нелога, Погыча, Ковыча – легендарные реки русских документов XVII века и современная карта Чукотки // Этнограф. обозрение. 1998. № 6. С. 79–88.

² Топонимический словарь Северо-Востока СССР / Сост. В.В. Леонтьев, К.А. Новикова. Магадан, 1989. С. 418.

³ Туголуков В.А. Предания об уходе юагиров на острова и «за море» // Сов. этнография. 1986. № 6. С. 95–99.

⁴ Молл П.Ю. Чуванцы // Энциклопедический словарь русского библиографического Института Гранат. Т. 48. С. 678–679.

⁵ Врангель Ф.Л. Путешествие по северо-восточной части Сибири и Ледовитому морю... Ч. 2. СПб.,

1841. С. 291–292. Цит. по: *Алексеев А.И.* Сыны отважные России. Магадан, 1970. С. 194. У А.И. Алексеева опечатка – «чуванов».

⁶ *Белов М.И.* Подвиг Семена Дежнева. М., 1979. С. 177.

⁷ *Визе В.Ю.* Русские полярные мореходы XVII–XIX веков, М.: Л., 1948. С. 31; История открытия и освоения Северного морского пути. Т. I. М., 1956. С. 245.

⁸ *Алексеев А.И.* Указ. раб. С. 277.

⁹ *Майдель Г.* Путешествие по Крайнему Северо-Востоку Якутской области в 1868–1870 гг. // Зап. Императорской Академии наук. Т. 74. Приложение. Вып. 3. СПб., 1894. С. 272–273, 274.

¹⁰ *Сарычев Г.А.* Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. С. 83–84.

¹¹ *Топонимический словарь...* С. 416.

¹² *Никонов В.А.* Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984. С. 63.

¹³ *Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. 1. Л., 1934. С. 9; *Вдовин И.С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 55.

¹⁴ *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири. Магадан, 1983. С. 105.

¹⁵ Там же. С. 162.

¹⁶ *Василевич Г.М.* Эвенки. Л., 1969. С. 285.

¹⁷ *Белов М.И.* Указ. раб. С. 170.

¹⁸ *Курилов Г.Н.* Юкагирско-русский словарь. Якутск, 1990. С. 223.

¹⁹ *Врангель Ф.П.* Указ. раб. С. 310.

²⁰ *Сергеев М.А.* Экспедиция Ф.П. Врангеля и Ф.Ф. Матюшкина и изучение малых народов Крайнего Северо-Востока // *Врангель Ф.П.* Указ. раб. С. 416.

²¹ *Топонимический словарь...* С. 418.

²² *Курилов Г.Н.* О некоторых юкагирских топонимах // Сов. финноугроведение. 1968. № 1. С. 70.

²³ *Топонимический словарь...* С. 407.

²⁴ *Олсуфьев А.В.* Общий очерк Анадырской округи. СПб., 1893; *Жихарев Н.А.* Повесть об Афанасии Дьячкове // *Дьячков А.Е.* Анадырский Край. Магадан, 1992.

²⁵ *Богораз В.Г.* Восемь племен. Хабаровск, 1991. С. 245.

²⁶ *Линденау Я.И.* Указ. раб. С. 154.

²⁷ *Топонимический словарь...* С. 249.

²⁸ *Курилов Г.Н.* Юкагирско-русский словарь. С. 249.

²⁹ Справочник по истории географических названий на побережье СССР. Изд. 2-е. М., 1985. С. 380.

³⁰ *Пасецкий В.М.* Путешествия, которые не повторяются. М., 1976. С. 24.

³¹ *Туголуков В.А.* Указ. раб. С. 97.

³² *Пасецкий В.М.* Указ. раб. С. 29–30; *Алексеев А.И.* Береговая черта. Магадан, 1987. С. 100.

³³ *Пасецкий В.М.* Указ. раб. С. 29–30.

³⁴ *Сарычев Г.А.* Указ. раб. С. 84.

³⁵ Там же. С. 266.

³⁶ *Пасецкий В.М.* Указ. раб. С. 123–124.

³⁷ Там же. С. 139–140; см. также: *Пасецкий В.М.* Арктические путешествия россиян. М., 1974. С. 88–89.

³⁸ *Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. 1. М.; Л., 1934. С. 22, 54–55.

³⁹ *Пасецкий В.М.* Путешествия... С. 154.

⁴⁰ Там же. С. 155.

⁴¹ Там же. С. 156.

⁴² *Пасецкий В.М.* Арктические путешествия россиян. С. 138.

⁴³ *Богораз В.Г.* Чукчи. С. 9.

⁴⁴ *Леонтьев В.В.* Происхождение этнонима «чукчи» и слова «чаучу» // Краеведческие записки. Вып. XII. Магадан, 1982. С. 152.

⁴⁵ *Туголуков В.А.* Указ. раб. С. 97.

⁴⁶ *Топонимический словарь...* С. 184.

⁴⁷ Там же. С. 184.

⁴⁸ *Майдель Г.* Указ. раб. С. 215–216.

⁴⁹ См. *Меновицков Г.А.* Язык эскимосов Берингова пролива. Л., 1980.

⁵⁰ См. *Меновицков Г.А.* Язык науканских эскимосов. Л., 1975.

⁵¹ *Леонтьев В.В.* Указ. раб. С. 152.

⁵² *Туголуков В.А.* Указ. раб. С. 96.

⁵³ *Богораз В.Г.* Чукчи. С. 4.

⁵⁴ *Леонтьев В.В.* Указ. раб. С. 151.

⁵⁵ *Старокадомский Л.М.* Пять плаваний в Северном Ледовитом океане. М., 1955. С. 232–233.

⁵⁶ Там же. С. 82. Примеч.

⁵⁷ Сергеев М.А. Указ. раб. С. 416.

⁵⁸ Громов Л.В. Остров Врангеля. Магадан, 1960. С. 17–18.

⁵⁹ Теин Т.С. Тайна Чертова оврага. Магадан, 1983. С. 22.

⁶⁰ Аккуратов В.И. Лед и пепел. М., 1984. С. 97.

⁶¹ Куваев О.М. Дневник прибрежного плавания. М., 1988. С. 239.

⁶² Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Учебное пособие по русской диалектологии. Якутск, 1997. С. 14.

А.А. В у р к и н. On the interpretation of some mysterious names of the Arctic coast peoples of Chukotka

The article deals with the names usually ascribed to some peoples who might have inhabited the Arctic coast of Chukotka in the past. The author's analysis as based on the names of such peoples preserved in the ethnographic sources of the 17th–19th centuries, shows that they belong to the territorial groups of the Chukchee which resided in the Chaun river valley and on the coast of the Chaun Bay (Chaunskaya Guba). The tribal name *Chuvantsi* (the Chuvans) derives, according to some researchers, from the river of the same name and denotes now the Russian-speaking natives of Chukotka, having been inherited from an eastern territorial group of the Yukagirs who were very strongly affected by the Chukchee as early as in the 17th century and were later assimilated by the latter. The author demonstrates also that the entire body of information available on certain groups of the natives of the Chukotka Arctic coast, which were treated sometimes as those of the Yukagirs which had moved in a nomadic fashion to the Arctic Ocean islands or disappeared in the flowing ice, relates actually to some groups of the Chukchee-hunters who could reach the Wrangel Island even before it was discovered by the seamen and established their trade contacts with some groups of the Asiatic and Alaskan Eskimos. So, none of the Western Chukotka peoples names from the documents and geographic descriptions of the 17th–19th centuries can be the names of some unknown isolated peoples which could have disappeared in the 17th–19th centuries.

© 2000 г., ЭО, № 4

Г.Ю. Бадмаева

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В КАЛМЫЦКОЙ КУЛЬТУРЕ

О важной роли музыкального инструмента в калмыцкой культуре свидетельствуют многочисленные упоминания о нем в произведениях устного народного творчества, в художественной литературе. Однако он, несмотря на обширные этнографические и музыковедческие источники¹, еще не подвергался серьезному научному исследованию. Цель данной статьи, не претендующей на полноту изложения всего возможного круга вопросов по этой теме, – расширение представления о калмыцком музыкальном инструментарии и рассмотрение функционирования последнего в культуре на основе сведений из народного эпоса «Джангар», монголо-ойратского эпоса, сказок, этнографической и музыковедческой литературы, сообщений информаторов, собственных наблюдений.

Прежде всего необходимо оговорить круг описываемых музыкальных инструментов. Разнообразный и многочисленный в прошлом – в период проживания калмыков в Джунгарском ханстве² – он на протяжении XVIII – первой половины XX в. стал сокращаться в силу различных причин. Так, музыкальный инструмент шаманов не сохранился в результате запрещения и преследования официальной буддийской церковью их деятельности³. Бытовые и храмовые инструменты постепенно исчезали в условиях кочевой жизни, уменьшения с 1775 г. контактов со своими соплеменниками в